Республики Беларусь для участия в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности». В ст. 2 вышеназванного закона под деятельностью по поддержанию международного мира и безопасности понимаются «международные принудительные действия с использованием вооруженных сил, осуществляемые по решению СБ ООН для устранения угрозы миру, нарушений мира и акта агрессии». Статья 3 гласит, что «участие военнослужащих... в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности может включать... ведение в соответствии с Уставом ООН международных принудительных действий».

Таким образом, в национальном законодательстве получили закрепления нормы, направленные на выполнение ст. 42 Устава ООН, предусматривающей введение военных санкций.

В то же время существующая нормативная правовая база не в полном объеме обеспечивает выполнение санкций СБ. Так, отсутствует механизм имплементации мер, связанных с запретом или ограничениями на совершение финансовых операций, а также мер, касающихся применения «адресных» санкций; не закреплены компетентные органы, на которые бы возлагалась соответствующая ответственность по реализации санкций; не принимаются подзаконные акты, разъясняющие какие конкретно меры необходимо предпринять с тем, что бы в должном объеме обеспечить выполнение конкретной резолюции СБ. Необходимо дальнейшее совершенствование национального законодательства в области реализации международно-правовых санкций с тем, чтобы Республика Беларусь могла должным образом обеспечить выполнение своих международно-правовых обязательств.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТЬЮ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ

Гдалевич И.А., кандидат юридических наук,
Таганрогский институт управления и экономики

В свое время Сенека сказал: «Недолговечна та власть, которая управляет во вред народу», — в этом плане стоит добавить, — пусть даже по закону, в рамках писанного (ею же) права». Дж. Миль отмечал, что «властолюбие и свободолюбие находятся в постоянном антагонизме...» [1, с. 30—31]. В принципе они говорили об одном и том же — об имеющих место в любой государственной и социально-правовой системе злоупотреблениях публичной властью.

Злоупотребление — это одна из форм правозначимого и социально вредного поведения, известная с древних времен. Злоупотребление правом — это деяние управомоченного лица в форме действия или бездействия по реализации принадлежащего ему субъективного права, которое он совершает в рамках предоставленных законом возможностей, а его результаты выходят за установленные пределы осуществления права по причине намерения управомоченного субъекта причинить

вред и (или) объективного причинения вреда правам и законным интересам других лиц. Другими словами, злоупотребления в политико-правовой сфере есть не что иное, как результат возникающего в силу действия тех или иных факторов несовпадения «буквы закона» и его «духа».

Именно такого рода позиция является концептуальной основой для исследования политико-правовой природы злоупотреблений властью, определения способов противодействия этому социально вредоносному явлению. Полагая, что проблема злоупотреблений публичной (государственной и муниципальной) властью и должностными полномочиями носит универсальный характер, имеет место в различных типах цивилизаций, в отличающихся между собой государственно-правовых режимах, обнаруживает себя в истории разных народов. Однако политико-правовые технологии противодействия властному произволу, естественно, не являются одинаковыми.

При выделении восточной (духовно-религиозной) и западной (секулярно-рациональной) традиции формирования и функционирования механизма противодействия злоупотреблениям публичной властью можно указывать на российскую политико-правовую практику как особый и самодостаточный тип в институциональном, историческом и доктринальном измерении.

Восточная классическая традиция осмысления и пресечения властных злоупотреблений связана с ценностями, нравственными и религиозными устоями Древнего Китая, Индии и иных первичных государств. В рамках восточного политико-правового мира крайне трудно выделить рационализированные, формально-юридические или организационно-институциональные технологии противодействия произволу со стороны властных элит, напротив, большое значение здесь уделяется внутреннему миру властителя и подвластных сакрально-космическому началу в их отношениях, что в принципе веками давало положительный результат, сохраняло упорядоченность и стабильность общественных отношений.

Иную картину обнаруживаешь при обращении к западному политико-правовому пространству, динамика которого убеждает в наличии прочной тенденции перехода от религиозно-сакральных форм организации публично-властного пространства к секулярным, рациональным, формально-юридическим и институционально-политическим схемам.

Анализируя российский политико-правовой опыт, специфику понимания злоупотреблений публичной властью, полагаем, что содержание отечественной традиции определено ходом истории российского права и государства, возникающими духовными и политическими коллизиями (идушими еще от Илариона и Владимира Мономаха), социальными расколами (никонианским, имперским, советским). Основные особенности в данном случае заключаются в тесной связи права с православными канонами и структурами, общинными устоями, а в институциональном плане — с «симфонией» светской и духовной властей, «соборным единением», сопряженностью «силы мнения» русского народа и «силы власти» русского царя.

Сила «общественного мнения» обеспечивала существование и эффективное функционирование Земских соборов, Боярской думы, Русской Православной Церкви, «неписанной конституции», ограничивавших власть московских государей до эпохи петровских реформ, в ходе которых веками отлаженный механизм сдерживания юридически неограниченного властного деспотизма был существенным образом искажен и постепенно утрачен, что и стало основой формирования специфических «чрезвычайно-кризисных», неправовых способов противостояния злоупотреблениям власти (мятежей, восстаний, революций, заговоров, «ухода от власти» на необжитые территории и др.).

В истории России традиционные злоупотребления в сфере властных отношений сопряжены с решением «вечных» политико-правовых вопросов: национального и религиозного, земельного, социально-правового, модернизационного.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно полагать, что злоупотребление публичной властью и должностными полномочиями — это политико-правовая форма властной деятельности, несоответствующая функциональной природе властных институтов и оказывающая деструктивное и вредоносное влияние на развитие национальной государственности как системы взаимосвязанных и взаимозависимых политических, юридических, социально-экономических, духовно-нравственных, этнокультурных и иных компонентов и отношений.

Субъектами злоупотреблений публичной властью являются различные территориальные публичные коллективы, государственные и муниципальные органы, отдельные должностные лица, деятельность которых противоречит принципам целесообразности, сохранения устойчивого баланса интересов, прав и свобод различных социальных групп, обеспечением важнейших публичных интересов, правового порядка и законности.

Таким образом, злоупотребление публичной властью имеет трехуровневую структуру: институционально-правовой уровень (правомерный или противоправный характер властного произвола), функционально-телеологический (цели, которые преследует власть, интересы субъектов властных отношений) и ценностно-мировоззренческий (нравственные, правовые, религиозные, экономические и этнонациональные ориентиры властвующих, влияющие на их деятельность).

Литература:

1. Ягофаров, Д.Л. *Multum in parvo* / Д.Л. Ягофаров. — Екатеринбург, 1997.

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Гришкевич О.В., Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь

Право прав человека как отрасль международного права характеризуется весьма разветвленной и обширной системой как международных органов (организаций, механизмов, процедур и т.д.), так и международных договоров (соглашений,